

18+

Критика критики чистого разума

или
Теория
номенофеноменальной
реальности

*Kritik
der
reinen
Vernunft*

NOMENON
(DING AN SICH)
PHÄNOMENON
(ERSCHEINUNG)

ПОЛНЫЙ ДВУХТОМНИК

Герасим Авшарян

Vernunft
Verstand
Anschauung

Герасим Авшарян
**Критика «Критики чистого
разума», или Теория
номенотеноменальной
реальности.
Полный двухтомник**

<https://litres.ru/74429799>

ISBN 9785007120401

Аннотация

I и II тома ранее публиковались. Первый том — «Критика „Критики чистого разума“, или Теория номенотеноменальной реальности». Второй — «Динамика номенотеноменальной реальности. Как устроен переход» Теперь же перед вами — полное издание, двухтомник. I том закладывает основания: пересматривает кантовский дуализм, вводит понятие номенотеномена и показывает единство реальности. II том развивает динамику: исследует сознание, материю, время, свободу, недостижимое и предлагает номенотеноменальную этику.

Содержание

ОБ ИЗДАНИИ	6
О МЕТОДЕ ГЕРАСИМА АВШАРЯНА	7
ДИСЛЕЙМЕР	8
ВМЕСТО ПРОЛОГА	10
ПРЕДИСЛОВИЕ	14
О том, почему эта книга написана, и почему она называется именно так	14
Еще одно ПРЕДИСЛОВИЕ, но оно уже поменьше	19
ЧАСТЬ I. ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.	21
Мир-как-Явление	
ВВЕДЕНИЕ К ЧАСТИ I. О том, что мы видим, когда смотрим, и почему нам кажется, что этого достаточно	21
ГЛАВА 1. ЧТО ТАКОЕ ФЕНОМЕН?	26
1.1. Этимология: от <i>phainomenon</i> — «являющееся»	26
ЧУТЬ НЕ ЗАБЫЛ или ПОСТСКРИПТУМ К ПОДГЛАВЕ 1.1	32
1.2. Кантовский феномен: пространство, время и категории как априорные формы	37
1.3. Феномен в феноменологии: Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти	48

ПОСТСКРИПТУМ К ПОДГЛАВЕ 1.3	57
1.4. Феномен не есть «кажимость»: защита чувственного опыта	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

**Критика «Критики чистого
разума», или Теория
номенотеноменальной
реальности
Полный двухтомник**

Герасим Авшарян

© Герасим Авшарян, 2026

ISBN 978-5-0071-2040-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОБ ИЗДАНИИ

Части книги ранее публиковались отдельно.

Перед вами — полное издание моей работы, объединяющее оба тома в одной книге. Первый том, «Критика критики чистого разума, или Теория номенотифеноменальной реальности», закладывает основания: он вводит понятие номенотифеномена, пересматривает кантовский дуализм и показывает, что реальность едина. Второй том, «Динамика номенотифеноменальной реальности, или Как устроен переход», развивает эти основания: он исследует динамику перехода, сознание, материю, время, свободу, недостижимую реальность и предлагает номенотифеноменальную этику.

Оба тома сохранили свою самостоятельную структуру, логику и завершенность. Однако в этом едином издании они предстают как две части одного целого — как два шага одного пути. Первый том — это фундамент. Второй том — это здание. Вместе они образуют теорию, которая не разделяет реальность, а собирает её.

Читатель может прочитать их последовательно или обратиться к тому тому, который его интересует. Но я рекомендую начать с первого (будь то в этом двухтомнике или в отдельном первом томе). Потому что без оснований динамика остаётся непонятной. А без динамики основания остаются ожидающими когда же на них что-то построят.

О МЕТОДЕ ГЕРАСИМА АВШАРЯНА

В этой книге Герасим Авшарян предлагает **номенотифономенальный метод** — способ видеть реальность не как разделенную на явление и сущность, а как единый переход, событие встречи. Это авторский метод. Авторская система. Авторский язык.

Ссылайтесь на автора и книгу. Автор приглашает вас использовать этот метод, развивать, применять в ваших собственных размышлениях. Но очень важно: **ссылайтесь на источник: на книгу, на автора**. Называйте метод его именем. Упоминайте эту книгу.

Почему? Потому что есть (в свете данного метода) **негативный номенотифономенальный переход** — это когда идея перестает быть явленной, когда она присваивается без имени. Это не просто нечестность. Это — прерывание самого перехода.

Используйте метод Авшаряна, но делайте это честно. Будьте частью перехода — а не тем, кто его прерывает.

ДИСЛЕЙМЕР

Эта книга содержит сложные мысли. Некоторые из них могут вызвать сложные ощущения. Вы можете почувствовать, что привычный мир под вашими ногами начинает шататься. Может показаться, что стены, которые вы считали твёрдыми, становятся проницаемыми. Возможно, у вас возникнет головокружение от смены перспектив, лёгкая тошнота от непривычного угла зрения или непреодолимое желание закрыть книгу и больше никогда не думать о том, что такое реальность.

Это нормально. Это — номененофеноменальный переход в действии. Ваш мозг пытается привыкнуть к новому способу видеть. Ваше сознание расширяется, а расширение часто бывает болезненным. Как рост. Как роды. Как первая любовь.

Поэтому я прошу вас: **относитесь к этой книге с осторожностью**. Читайте медленно. Делайте паузы. Обсуждайте прочитанное с теми, кому доверяете. И если вы почувствуете, что философские вопросы начинают мешать вам жить, если вы не можете уснуть, потому что думаете о ноумене, или если вы начали видеть номененофеномены в каждом кусте — не паникуйте. Это пройдёт. Или не пройдёт. В любом случае — вы будете уже не тем человеком, которым были до этой книги.

И последнее. Если у вас есть склонность к серьёзным

экзистенциальным кризисам, если вы боитесь вопросов о смысле жизни, если вам страшно от мысли о бесконечности — пожалуйста, **проконсультируйтесь с вашим лечащим врачом или терапевтом.** Или с другом.

Еще раз. Если от сложной и/или необычной информации у вас возникают головокружение, тревога, ощущение потери почвы под ногами или усиление экзистенциальных страхов — это означает, что книга задела слишком глубокие слои вашей психики. В таком случае я рекомендую вам отложить её. Вернитесь к ней позже, когда вы будете чувствовать себя более устойчиво. Или не возвращайтесь вообще. Ни одна философская теория не стоит вашего душевного равновесия.

ВМЕСТО ПРОЛОГА

О том, как я начал критиковать Канта и что из этого вышло

Критиковать Канта — благое дело. Ведь и сам Кант критиковал чистый разум и именно так и называл свою книгу. Он начал критиковать чистый разум и случайно разделил философию на «до» и «после». До Канта философы наивно полагали, что они познают мир таким, какой он есть. После Канта они поняли, что познают мир таким, каким они способны его познавать. Это был великий шаг. Это был шаг к честности. Это был шаг, за который мы должны быть благодарны.

Но, как это часто бывает, великий шаг обернулся великой стеной. Кант не просто сказал: «Мы познаём не вещи-в-себе, а только их явления». Он сказал: «И мы никогда не сможем познать вещи-в-себе. Это — предел. Точка. Дальше — запретная зона». И вот с этой «точкой» я не мог согласиться. Она казалась мне подозрительной. Слишком удобной. Слишком окончательной. Слишком похожей на капитуляцию, замаскированную под строгость.

И я начал критиковать Канта. Не для того, чтобы его опровергнуть. Он слишком велик для опровержения. А для того, чтобы перешагнуть через него (не поймите превратно). Не в смысле «я умнее», а в смысле «я иду дальше». Я задал себе

вопрос: а что, если разрыв между явлением и сущностью — не свойство реальности, а свойство нашего способа говорить о ней? Что, если мы сами создали эту стену, а потом испугались собственного творения? Что, если реальность — едина, и никакого разрыва в ней нет?

Ответы, к которым я пришёл, показались мне слишком важными, чтобы оставить их в записной книжке. Они потребовали книги. Они потребовали системы. Они потребовали нового языка. Так родилась эта книга. Она — не опровержение Канта. Она — его продолжение. Она — критика критики чистого разума.

Я не обещаю вам окончательных истин. Я обещаю вам путь. Путь, который начинается с вопроса и заканчивается — ничем. Потому что философия не ставит точки. Она ставит многоточия. И если после прочтения этой книги вы увидите мир чуть более странным, чуть более глубоким и чуть более таинственным, чем раньше, — значит, мы встретились.

А теперь — вперёд.

Конец пролога и переход к предисловию, хотя это вроде одно и то же. Но, постойте, что-то ведь произошло потом? Но что произошло потом?

А потом я доигрался. Сначала я просто хотел понять, где Кант ошибся. Потом я хотел найти третий путь. Потом я понял, что этот третий путь нужно не просто найти, а назвать,

описать, построить. И вот я уже не критикую Канта — я создаю теорию. Свою теорию. Номенотеноменальную теорию реальности. Ошибки здесь нет: не ноумено-, а номено...

Звучит высокомерно? Возможно. Но что мне оставалось? Ждать, пока кто-то другой это сделает? Сидеть и думать, что я недостаточно компетентен, чтобы иметь своё слово? Философия не терпит скромности. Скромность в философии — это ложная добродетель. Она мешает говорить то, что ты видишь. Я увидел. Я сказал. Теперь — судите.

Я не говорю, что моя теория — последнее слово. Я говорю, что это — моё слово. И оно имеет право быть.

Я часто шутил, называя себя невероятно умным человеком, хотя еще чаще называл себя идиотом. Это была такая игра (что касается не идиота, а умного) — слегка высокомерная, слегка самоироничная, чтобы никто не принял её всерьёз. Я говорил: «Я же гений, вы знаете», — и все смеялись. Я тоже смеялся. Это было удобно: называть себя гением в шутку, чтобы никто не проверял, а вдруг это правда.

Но вот я дошутился. Однажды я произнёс эту шутку в очередной раз — и вдруг понял, что за ней стоит нечто большее. Что я действительно вижу нечто новое. Что действительно нашёл ответ, который искал. Что моя теория — не просто игра ума, а серьёзное дело. Я дошутился до того, что шутка стала правдой.

Вся философия, в сущности, — это и есть дошучивание до истины. Мы играем в мысли, мы балуемся с понятиями,

мы шутим над величием — а потом просыпаемся и понимаем, что создали нечто настоящее. Если вы услышите в моих словах отголосок шутки — не удивляйтесь. Она всё ещё со мной.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О том, почему эта книга написана, и почему она называется именно так

§1. Тайна, которая не хочет быть тайной

Человек — единственное существо, которое знает, что оно чего-то не знает. Собака не мучается вопросом о смысле кости; дерево не рефлексировало о своем росте. Но человек, едва начав мыслить, упирается в стену. Эта стена называется **реальность**.

Мы живем в ней, мы дышим ею, мы состоим из нее — и при этом мы не можем сказать, что она такое. Всякий раз, когда мы пытаемся схватить реальность, она ускользает. Мы хватаем её за хвост, а она оказывается змеей, кусающей собственный хвост. Мы называем её «материей», «сознанием», «энергией», «Богом», «текстом», «симуляцией» — но каждое имя оказывается лишь ярлыком, наклеенным на пустоту.

Почему так происходит?

Ответ, который дала философия XVIII—XIX веков, был прост и жесток: **потому что мы познаём не реальность, а лишь её явления**. Кант сказал: есть вещь-в-себе (ноумен) — и есть вещь-для-нас (феномен). Между ними — пропасть.

Мы обречены вечно скользить по поверхности, никогда не нырнув в глубину.

Этот ответ был честным. Но он был также **капитуляцией**.

§2. Ошибка Канта (и наша дерзость)

Кант был гением. Но гении тоже ошибаются. Его ошибка — не в том, что он разделил ноумен и феномен. Его ошибка в том, что он **их противопоставил**, сделав из них две разные территории, разделенные непроходимой стеной.

А что, если стены нет?

Что, если ноумен и феномен — это не два мира, а **два состояния одного и того же процесса**? Что, если реальность — это не статичная картина, а непрерывный **переход** от сущности к явлению и обратно? Что, если мы не просто наблюдаем явления, но **участвуем** в этом переходе каждым своим вздохом, каждой мыслью, каждым словом?

Именно это мы и называем **номеномфеноменальной реальностью**.

§3. Почему «номен», а не «ноумен»?

Мы намеренно отступаем от кантовской орфографии. В греческом языке *νοῦμενον* означает «мыслимое». Но мы хотим подчеркнуть нечто иное: сущность является нам **под именем**. Мы никогда не встречаем голую сущность — мы всегда встречаем сущность, **названную**.

Слово «номен» (от лат. *nomen* — имя) напоминает нам:

реальность не просто есть — она **называется**. И в этом назывании — не слабость познания, а его сила. Дать имя вещи — значит не исказить её, а **вести её в мир человеческого смысла**.

Поэтому наша реальность — **номенотеноменальная**. она состоит из явлений (феноменов), которые всегда уже несут в себе имена (номены), а за именами — угадываются сущности (ноумены). Три слоя, образующие одну ткань.

§4. Полная реальность и её недостижимая часть

Мы должны сделать ещё один смелый шаг. Реальность не исчерпывается тем, что мы можем познать или назвать. Есть то, что **принципиально остаётся за горизонтом**. Не потому, что мы недостаточно умны или у нас плохие приборы, а потому, что **сама структура бытия включает в себя момент сокрытия**.

Мы называем это **недостижимой реальностью**.

Недостижимое — это не «пока неизвестное». Это то, что **не может быть известно по определению**. Как горизонт, который отодвигается при каждом шаге. Как тишина, в которой рождаются все звуки, но которая сама не есть звук.

Наша книга посвящена тому, чтобы **очертить границы достижимого** и при этом — с уважением и трепетом — указать на то, что за ними. Мы не будем делать вид, что можем объять необъятное. Но мы попытаемся понять, **почему оно вообще есть**.

§5. Структура книги и приглашение к путешествию

Эта книга построена как восхождение.

— В **Первой части** мы останемся на территории феноменов. Мы разберемся, как устроен мир явлений, каковы его законы и границы. Это будет разговор о том, что мы видим, слышим, измеряем и понимаем.

— Во **Второй части** мы сделаем рывок в неизведанное. Мы попытаемся говорить о ноуменах — о том, что находится по ту сторону явлений. Мы не будем утверждать, что знаем их — мы будем их **вопрошать**.

— В **Третьей части** мы осуществим синтез. Мы покажем, что реальность едина: явление и сущность, имя и смысл, достижимое и недостижимое — это не враги, а партнеры в одном бесконечном танце.

Мы не обещаем вам ответов. Мы обещаем вам **пространство для мысли**. И если после прочтения этой книги вы увидите мир чуть более странным, чуть более глубоким и чуть более таинственным — значит, цель достигнута.

§6. Последнее предупреждение

Философия — опасное занятие. Она не дает денег, не улучшает пищеварение и не защищает от дождя. Но она дает нечто иное: **способность видеть**, что за дождём — небо, за пищей — жизнь, а за деньгами — человеческие страсти.

Мы приглашаем вас в путешествие, в котором не будет

карты. Но будет **компас**. Компас этот — ваше собственное удивление перед тем, что вы есть и что вас окружает.

Итак. Закройте глаза на мгновение. Почувствуйте, что вы дышите. То, что вы сейчас чувствуете, — это не просто биохимия. Это **номенотфеномен** в действии.

Начнём.

Еще одно ПРЕДИСЛОВИЕ, но оно уже поменьше

О том, почему мы пересматриваем приговор Канту, и почему эта книга называется именно так

В 1781 году Иммануил Кант опубликовал книгу, которая изменила ход человеческой мысли. Она называлась *«Критика чистого разума»*. В ней он совершил революцию: он показал, что мы познаём не мир-как-он-есть, а мир-как-он-нам-является. Между вещью-в-себе (ноуменом) и вещью-для-нас (феноменом) — непроходимая пропасть. Это был **приговор** познанию: *«Ты ограничен. Ты никогда не достигнешь сущности»*.

Прошли века. Философия примеряла разные роли: она была служанкой теологии, царицей наук, анализом языка, терапией бессмысленности. Но вопрос, поставленный Кантом, так и не был снят. Он висел над нами, как дамоклов меч: *«Мы знаем только явления»*.

Эта книга — попытка **пересмотреть приговор**. Мы не отменяем Канта. Мы говорим ему: *«Ты был прав в своих наблюдениях, но ты ошибся в своём выводе»*.

Ошибка Канта — не в различении ноумена и феномена. Ошибка в том, что он сделал из них **две разные реальности**, разделённые пропастью. А что, если это — **два полюса**

одной реальности? Что, если между ними нет пропасти, а есть **мост**, и мы сами — этот мост?

Мы называем эту единую реальность **номенотеномальной**. Почему «номено»? Потому что сущность (номен) является нам всегда **под именем** (номен). Мы не встречаем голую сущность — мы встречаем сущность названную. И в этом назывании — не проклятие познания, а его особая сила.

Мы приглашаем вас на суд. Но теперь **Кант будет на скамье подсудимых**, а мы — и вы, и я, и всякий мыслящий человек — будем судьями. Или, точнее, **со-мыслителями**, которые пытаются увидеть реальность не как расколотую, а как живую, дышащую, переходную.

Добро пожаловать в **Критику критики чистого разума**.

ЧАСТЬ I. ФЕНОМЕНАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. Мир-как-Явление

ВВЕДЕНИЕ К ЧАСТИ I. О том, что мы видим, когда смотрим, и почему нам кажется, что этого достаточно

§1. Первый жест философии

Каждая философия начинается с одного жеста: философ **останавливается и смотрит**. Он не бежит по делам, не решает задачи выживания, не ищет пищу или убежище. Он замирает и говорит: *«Вот это — удивительно. Что это?»*

Этот жест — начало феноменологии. До того как мы задаём вопрос о сущности, о Боге, о смысле жизни, мы должны задать вопрос о том, **что нам вообще дано**. Каковы те данные, с которыми мы имеем дело? Что значит «иметь дело»? Что значит «быть данным»?

Первая часть нашей книги посвящена именно этому: **миру явлений**. Миру, который мы видим, слышим, осязаем, обоняем, измеряем, описываем, переживаем. Миру, который дан нам в чувствах, в сознании, в языке, в культуре, в науке.

Но мы не будем просто описывать этот мир. Мы будем **критически** его рассматривать. И здесь наш главный собеседник и оппонент — Иммануил Кант.

§2. Кант и его великое разделение

Кант сделал нечто, что до него никто не делал с такой последовательностью. Он сказал: *«То, что вы видите, — это не мир сам по себе. Это мир, каким он вам **кажется**. Ваше сознание — не зеркало, а **призма**. Оно преломляет реальность, накладывает на неё свои формы — пространство, время, причинность, субстанцию. Вы никогда не увидите реальность „сырой“. Вы всегда видите её **обработанной** вашим собственным аппаратом восприятия».*

Это было унижительно для человеческой гордыни. Мы привыкли думать, что видим вещи такими, какие они есть. Кант сказал: *«Нет. Вы видите вещи такими, какими вы способны их видеть».*

И затем он сделал второй, ещё более радикальный шаг. Он сказал: *«За пределами вашего восприятия есть нечто — вещь-в-себе, ноумен. Но вы не можете знать о ней ничего. Она — за горизонтом. Вы можете только мыслить её, но не познавать».*

Так родился **дуализм**: феномен (явление) и ноумен (сущность), разделённые непроходимой стеной.

§3. Почему мы не можем принять этот дуализм

Кант был прав, когда говорил, что восприятие активно, что оно формирует реальность. Он был прав, когда утверждал, что мы не имеем прямого доступа к вещам-в-себе.

Но он **не был прав**, когда превратил это различие в **онтологический разрыв**. Он сделал из ноумена и феномена две разные территории, две реальности, между которыми нет моста. И в этом — его фатальная ошибка.

Почему фатальная? Потому что она ведёт к отчаянию. Если мы никогда не можем коснуться сущности, то зачем вообще философия? Зачем наука? Зачем искусство? Мы обречены вечно скользить по поверхности, как тени в платоновской пещере, только теперь мы знаем, что за пещерой — ничего, к чему мы можем прикоснуться.

Это — **капитуляция**. Мы не хотим капитулировать.

Мы хотим сказать: да, феномен — это не сущность. Но феномен — это не просто оболочка. Это **способ существования сущности**. Сущность не прячется за явлением — она **проявляется** в явлении. Явление — это не ширма, а **лицо** сущности.

Мы не можем знать ноумен напрямую. Но мы можем знать его **через** феномен, в феномене, вместе с феноменом. И в этом — не проклятие, а **тайна**.

§4. Что мы будем делать в этой части

В первой части мы будем исследовать феноменальную реальность. Но мы будем делать это **не так, как Кант**.

Кант рассматривал феномен как нечто **вторичное**, производное, ограниченное. Мы будем рассматривать феномен как **первичное** — не в онтологическом смысле (мы не утверждаем, что явление первичнее сущности), а в **экзистенциальном**: мы живём в явлениях, мы дышим явлениями, мы состоим из явлений. Это наш дом. И мы хотим понять его устройство, его законы, его красоту и его границы.

Мы пройдем путь от простых вопросов к сложным:

— Что такое явление? Чем оно отличается от иллюзии, от галлюцинации, от сна?

— Как устроено наше восприятие? Каковы его механизмы и его пределы?

— Как язык, культура, наука формируют наше феноменальное поле?

— Где проходит граница феноменального? Есть ли то, что мы принципиально не можем воспринять?

И в конце мы сделаем важный вывод: феномен — не тюрьма, а **открытая дверь**. Через неё мы выходим к ноумену. Но для этого нужно научиться видеть в явлении не просто «поверхность», а **след глубины**.

§5. Предупреждение читателю

Эта часть будет выглядеть «лёгкой» по сравнению со второй и третьей. Не обманывайтесь. Феноменология — одна из самых сложных дисциплин, потому что она требует от нас **забыть** о том, что мы «знаем», и посмотреть на мир так,

будто мы видим его впервые.

Попробуйте. Посмотрите на свою руку. Вы видите её каждый день. Но что вы на самом деле видите? Цвет? Форму? Текстуру? Тень? А где «рука-в-себе»? Есть ли она вообще, или есть только поток ощущений, который ваш мозг объединяет в понятие «рука»?

Мы будем задавать такие вопросы. Они кажутся простыми. Но они ведут в пропасть.

Добро пожаловать в феноменальный мир. Это ваш мир. Но вы никогда не видели его по-настоящему.

Переход к Главе 1

Теперь, когда мы настроились на феноменологическую волну, мы можем задать самый первый, самый наивный и самый глубокий вопрос:

Что такое феномен?

Этот вопрос — точка отсчёта. С него начинается всё.

Я почти уверен, что это Конец Введения к Части I

ГЛАВА 1. ЧТО ТАКОЕ ФЕНОМЕН?

1.1. Этимология: от *phainomenon* — «являющееся»

Слово как событие

Каждое философское понятие имеет свою судьбу. Оно рождается в языке, как дитя, растет, обрастает смыслами, иногда меняет их до неузнаваемости, а иногда — возвращается к своему истоку, обогащенное веками странствий.

Слово «**феномен**» (*phenomenon*) пришло к нам из древнегреческого языка. Греки говорили *φαινόμενον* — *phainomenon* (читается: «файноменон»). В этом слове скрыт корень **φα-** (*pha-*), который связан со светом, сиянием, проявлением. От этого же корня происходят слова:

— *φάος* (*phaos*) — свет,

— *φαίνω* (*phainō*) — являть, показывать, выводить на свет,

— *φανερός* (*phaneros*) — явный, открытый, видимый.

Таким образом, этимологически **феномен** — это то, что выходит на свет, то, что показывается, то, что становится видимым.

Уже здесь, в самой плоти слова, заложено важнейшее философское различие: феномен — это **не то, что есть**, а то,

что **является**. Бытие явления не совпадает с бытием вещи. Явление — это акт, процесс, событие встречи между тем, что скрыто, и тем, кто смотрит.

От повседневности к философии

В обыденной речи мы используем слово «феномен» в нескольких смыслах:

— **Феномен как чудо** — необычное, выдающееся явление (например, «феноменальный успех» или «природный феномен» — северное сияние, извержение вулкана). Здесь слово сохраняет оттенок изумления перед тем, что выходит за рамки обычного.

— **Феномен как факт** — любое наблюдаемое событие, доступное опыту. В этом смысле феномен — это всё, что может быть зафиксировано чувствами или приборами. Научный факт есть феномен по определению.

Но философия идет дальше. Она задает вопрос: **что значит «являться»?** И здесь мы натываемся на парадокс.

Два лица явления

Представьте себе заходящее солнце. Вы видите его — красный шар, опускающийся за горизонт. Но знаете ли вы, что на самом деле солнце не движется? Что оно уже зашло восемь минут назад? Что его цвет — иллюзия, созданная рассеиванием света в атмосфере?

Что же вы видите? Где оно — то, что вы видите? В небе?

В ваших глазах? В вашем мозгу? Или вообще нигде?

Этот простой пример показывает, что феномен имеет два аспекта, и их нельзя смешивать, но нельзя и разделять.

С одной стороны, феномен принадлежит миру. Это событие, которое происходит «там», вне нас. Солнце садится. Это объективная сторона явления, и она отвечает на вопрос: «Что происходит в мире?»

С другой стороны, феномен принадлежит восприятию. Это событие, которое происходит «здесь», в сознании. Я вижу солнце. Это субъективная сторона явления, и она отвечает на вопрос: «Что происходит во мне?»

Но философия настаивает на главном: феномен — это не одно и не другое по отдельности. Феномен — это событие встречи между миром и сознанием. Он не существует без мира — не от чего являться. И он не существует без сознания — некому являться. Феномен — это отношение, ставшее реальностью. Это встреча, которая происходит между тем, что есть, и тем, кто воспринимает. И именно в этой встрече рождается явление.

Таким образом, феномен всегда двойственен. Он одновременно и объективен (принадлежит миру), и субъективен (принадлежит восприятию). Но он не сводится ни к тому, ни к другому. Он есть нечто третье — сама встреча. И это третье и есть подлинная реальность явления.

Философия настаивает: **феномен — это не одно и не другое по отдельности**. Феномен — это **событие встречи** между миром и сознанием. Он не существует без мира (не от чего являться) и без сознания (некому являться). Феномен — это **отношение**, ставшее реальностью.

Досократики: явление и истина

Первыми, кто проблематизировал явление, были древнегреческие философы. Для них различие между явлением (*phainomenon*) и истиной (*alētheia*) было центральным.

— **Парменид** сказал: явления лживы. Путь мнения (*doxa*) ведет к заблуждению. Истина (*alētheia*) — это то, что открывается лишь чистому разуму, который видит за изменчивым миром неподвижное, единое Бытие. Для Парменида феномен — это **видимость**, за которой нужно разглядеть сущность.

— **Гераклит** сказал иначе: явления — это не ложь, а **язык** истины. Природа любит скрываться, но она скрывается в **явлениях**, а не за ними. Огонь мирового Логоса виден в каждой искре, в каждом движении. Для Гераклита феномен — это **символ**, который нужно уметь читать.

Этот спор — о статусе явления — пройдет через всю историю философии. Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Юм, Кант — каждый давал свой ответ. Но все они соглашались в одном: **феномен — это не последняя реальность, но первая данность**.

Ключевая идея для нашей теории

Для нас, в контексте номенотомической теории, этимология слова «феномен» несет три важных урока:

— **Световой характер**. Феномен — это не просто «данное». Это *высвеченное*. Явление происходит в свете — будь то свет солнца, свет разума или свет внимания. Без света нет феномена.

— **Активность**. Явление — это действие (*phainō* — являть). Сущность не является пассивно; она *совершает* явление. Феномен — это событие сущности.

— **Открытость**. Феномен всегда обращен к кому-то. Он требует зрителя. Феномен есть **адресат**. Без воспринимающего феномен неполон.

Это последнее особенно важно. Кант утверждал, что феномен существует только для субъекта. Мы с этим согласны, но добавляем: феномен — это не только *то, что является субъекту*, но и *то, через что субъект прикасается к реальности*. Феномен — это **окно**, а не стена.

Резюме подглавы

Феномен (от греч. *phainomenon* — «являющееся») — это то, что показывается, обнаруживается, выходит на свет. Этимологически слово несет в себе свет, действие и отношение. Феномен не есть ни чистая объективная реальность, ни чистое субъективное переживание. Феномен — это встреча.

Это событие, в котором сущность впервые становится доступной — не как сущность, а как явление.

Связь с Кантом

Кант не был первым, кто говорил о явлениях. Но он был первым, кто сделал феномен **центральной категорией своей философии**. Он сказал: *«Мы не знаем вещей-в-себе. Мы знаем только их явления»*. Это значит, что для Канта феномен — это не просто «то, что видно», а **всё, что доступно познанию**. Все наше знание ограничено феноменальным миром.

Но Кант, как мы увидим, слишком жестко отделил феномен от ноумена. Мы пойдем дальше: для нас феномен — это не стена, а **дверь**. Через этимологию, через историю, через опыт мы пытаемся увидеть в явлении не преграду, а **приглашение**.

Вопросы для размышления (к читателю)

— Вспомните момент, когда вы смотрели на что-то и вдруг осознали, что видите *только явление*, а не саму вещь. Как вы это пережили?

— Если феномен — это встреча, то где, по-вашему, происходит эта встреча — в мире или в сознании? Есть ли у нее «место»?

— Может ли явление существовать без того, кому оно является? Если да, то в каком смысле?

ЧУТЬ НЕ ЗАБЫЛ или ПОСТСКРИПТУМ К ПОДГЛАВЕ 1.1

Издает ли в лесу падающее дерево звук, если никого рядом нет?

Классический парадокс

Существует старый философский вопрос, который любят задавать студентам на первом курсе:

«Если дерево падает в лесу и вокруг никого нет — издает ли оно звук?»

На первый взгляд, вопрос кажется простым. Конечно, издает! Ведь звук — это физическое явление: колебания воздуха, которые возникают при ударе дерева о землю. Эти колебания распространяются, достигают наших ушей — и мы их слышим. Но если ушей нет, колебания все равно есть. Значит, звук есть.

Но не так быстро.

Физик скажет: есть **акустическая волна** — сжатия и разрежения воздуха. Но звук *как таковой* возникает только тогда, когда эта волна преобразуется нервной системой в слуховое ощущение. Без уха и мозга есть только вибрация, но нет *звука*.

Философ добавит: то, что мы называем «звуком», есть **феномен**. Это то, что является слуху. Без слуха — без воспринимающего субъекта — феномен не происходит. Есть со-

бытие в мире (падение дерева), но нет явления этого события.

Четыре ответа на один вопрос

Давайте посмотрим, как на этот вопрос ответили бы главные герои нашей книги.

Физик-реалист сказал бы: «Да, звук есть. Колебания воздуха объективны и существуют независимо от наблюдателя». Для него реальность — это то, что можно измерить, и она существует сама по себе, независимо от того, есть ли кто-то, кто её воспринимает.

Субъективный идеалист, например Беркли, возразил бы: «Нет, звука нет. Существовать — значит быть воспринимаемым. Без восприятия нет ничего. Если дерево падает в лесу и никто его не слышит, то звука не существует».

Кант занял бы среднюю позицию: «Есть явление для возможного восприятия. Мы не знаем, что такое дерево-в-себе. Но мы знаем, что если бы там был субъект с априорными формами чувственности, он бы услышал звук. Звук — это потенциальный феномен. Он возможен, но не актуален без воспринимающего».

Наша теория — номенотеноменальная — отвечает иначе: «Звук есть, но он не явлен. Падение дерева производит физическое событие — вибрацию. Это ноуменальное измерение события. Когда есть слушатель, вибрация становится звуком — это феномен. Но вибрация и звук — не две раз-

ные вещи, а два состояния одного события. Одно переходит в другое при встрече с сознанием. Звук — это явленная вибрация».

Что этот парадокс говорит нам о феномене? Он показывает, что феномен не существует без субъекта, но это не значит, что «ничего нет». Событие падения реально, но оно становится явлением только при встрече с сознанием. Феномен — это не обман и не иллюзия. Это переход. И в этом переходе — вся глубина номенотеноменальной реальности. Мы не выбираем между «звук есть» и «звука нет». Мы говорим: звук есть как потенциальность, и он становится актуальностью через восприятие. Это и есть номенотеноменальный переход.

Разложим по полочкам:

Что этот парадокс говорит нам о феномене

Этот мысленный эксперимент идеально высвечивает то, что мы обсуждали в подглаве 1.1.:

— **Феномен не существует без субъекта.** Без уха нет звука; без глаза нет цвета; без сознания нет явления. Феномен — это всегда *для-кого-то*.

— **Но это не значит, что «ничего нет».** Падение дерева — это реальное событие. Оно имеет физические последствия: ветки ломаются, земля сотрясается, воздух колеблется. Это *реальность-в-себе*, но не *реальность-для-нас*.

— **Феномен** — это переход. Когда слушатель появляется, вибрация *становится* звуком. Она не заменяется звуком; она *переходит* в звук. Это и есть номенотеноменальный переход, о котором мы будем говорить в Третьей части.

Кант и падающее дерево

Кант, если бы он отвечал на этот вопрос, сказал бы примерно так:

«Мы не можем знать, что такое дерево-в-себе. Мы знаем только, что его падение явилось бы нам как звук, если бы мы там находились. Но мы не находимся. Поэтому мы не можем сказать, есть ли звук „на самом деле“. Мы можем сказать только: звук есть возможный феномен, обусловленный нашей чувственностью. А что там, за пределами чувственности — мы не знаем, и знать не можем».

Это честно. Но это и есть тот самый разрыв, который мы критикуем. Кант оставляет событие падения (ноумен) и событие восприятия (феномен) по разные стороны пропасти. Для него они не сообщаются.

Наш ответ Канту

А мы скажем:

«Звук в лесу есть. Но он есть не как феномен, а как потенциальность. Когда мы входим в лес, эта потенциальность становится актуальностью. Звук не рождается заново — он проявляется. И это проявление — не искажение, не до-

бавление, а осуществление того, что уже было заложено в событии.

Дерево падает. Воздух колеблется. Это — ноуменальное измерение. Эти колебания не есть «звук», но они несут звук, как семя несёт цветок. Когда есть ухо — цветок распускается.

Феномен — это распустившийся цветок ноумена. Он не отделён от семени, но он — не семя. Он — его проявление. И в этом — тайна номенотеноменальной реальности».

Чему нас учит этот парадокс

— **Не путать событие и явление.** Событие происходит в мире. Явление происходит во встрече мира и сознания.

— **Не разделять их пропастью.** Событие и явление — это не две разные реальности. Это два полюса одного процесса.

— **Ценить роль наблюдателя.** Наблюдатель не просто регистрирует реальность; он *завершает* её. Без наблюдателя реальность неполна — не потому, что её нет, а потому, что она ещё не проявилась.

Последний вопрос читателю

А теперь — честно. Когда вы читали этот постскрипtum, вы представили себе падающее дерево. Вы «услышали» этот звук в своём воображении. Был ли этот звук *реальным*? Или он был только явлением в вашем сознании?

И если он был явлением — разве это делает его менее реальным?

Конец этого интересного постскриптума

1.2. Кантовский феномен: пространство, время и категории как априорные формы

§1. Великий переворот Канта

В истории философии есть моменты, после которых уже нельзя мыслить по-старому. Один из таких моментов — появление книги «*Критика чистого разума*» (1781). Её часто сравнивают с коперниканским переворотом. Коперник сказал: не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца. Кант сказал нечто столь же радикальное: не сознание вращается вокруг мира, а мир — вокруг сознания.

Что это значит?

До Канта философы в основном думали так: есть мир, есть вещи, и наше сознание должно *подстраиваться* под них, чтобы их познавать. Мы — пассивные зеркала, отражающие реальность. Познание — это точное копирование.

Кант перевернул эту картину. Он сказал: **сознание не пассивно, оно активно**. Оно не отражает мир — оно его **конструирует**. Но оно делает это не произвольно, а по строгим законам, которые Кант называет **априорными форма-**

§2. Что такое «априорное»?

Прежде чем погрузиться в детали, разберемся с ключевым термином. **Априорное** (от лат. *a priori* — «от предшествующего») — это то, что предшествует опыту, что не выводится из него, но делает сам опыт возможным.

Кант различает два типа знания.

Апостериорное знание происходит из опыта. Оно зависит от чувств и могло бы быть иным. Например, утверждение «сегодня идёт дождь» или «сахар сладкий» — это апостериорные суждения. Они могли бы не состояться при иных обстоятельствах. Они не обладают необходимостью и всеобщностью.

Априорное знание, напротив, предшествует опыту. Оно не зависит от чувств и обладает необходимостью и всеобщностью. Скажем, «два плюс два равно четыре» или «всё, что происходит, имеет причину» — это априорные истины. Они не требуют подтверждения опытом и справедливы при любых обстоятельствах.

Априорное знание — это то, что мы приносим с собой в опыт, а не извлекаем из него. Именно оно делает сам опыт возможным, организуя и упорядочивая поток впечатлений. Без априорного знания мы не могли бы мыслить мир как связный, закономерный и познаваемый. Оно — фундамент,

на котором строится всякое познание.

Кант утверждает: наше познание имеет априорную основу. Мы не *обучаемся* пространству, времени, причинности — мы *приносим* их с собой. Они — не свойства мира, а **свойства нашего аппарата восприятия**. Мы не можем мыслить иначе, потому что наше сознание устроено именно так.

§3. Два ствола познания

Кант сравнивает наше познание с деревом, у которого есть два корня или два ствола:

— **Чувственность** (*Sinnlichkeit*) — способность получать впечатления от вещей. Это то, через что нам *даются* предметы.

— **Рассудок** (*Verstand*) — способность мыслить эти впечатления, подводить их под понятия. Это то, через что предметы *мыслятся*.

Оба ствола необходимы. Без чувственности у нас нет материала для мышления; без рассудка у нас нет формы, чтобы этот материал упорядочить.

Кант говорит: «*Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы*».

Именно в этом разделении — ключ к пониманию феномена.

§4. Пространство и время как априорные формы

чувственности

Первый шаг конструирования феномена происходит в чувственности. Здесь Кант делает радикальное заявление:

Пространство и время — не свойства вещей-в-себе. Они — априорные формы нашего созерцания.

Что это значит?

Представьте, что вы надели розовые очки. Всё, что вы видите, будет окрашено в розовый цвет. Вы не увидите мир «как он есть» — вы увидите мир *через* розовый фильтр.

Кант говорит: пространство и время — это такие «очки», которые мы никогда не можем снять. Мы не видим мир *вне* пространства и времени — мы всегда видим его *внутри* них. Пространство — это форма внешнего чувства (мы располагаем вещи рядом друг с другом). Время — форма внутреннего чувства (мы располагаем события друг за другом).

Но это не значит, что пространство и время — иллюзия. Кант различает два аспекта их реальности.

С одной стороны, это трансцендентальная идеальность: пространство и время существуют только в сознании как формы восприятия. Мы не можем даже вообразить предмет вне пространства, потому что само наше воображение подчинено этой форме. Пространство и время — это не свойства вещей-в-себе, а свойства нашего способа воспринимать.

С другой стороны, это эмпирическая реальность: в опыте пространство и время объективны. Все явления даны в них.

Все предметы, которые мы воспринимаем, находятся где-то и когда-то. Для нас, в пределах опыта, пространство и время абсолютно реальны — они являются условиями всякого восприятия.

Мы не можем выйти за пределы пространства и времени, потому что они — форма нашего созерцания. Но мы не знаем, существуют ли они сами по себе, вне восприятия. Это вопрос, который Кант оставляет открытым. И в этом — его честность и его ограничение одновременно.

Кант говорит: для *нас* пространство и время абсолютно реальны — в том смысле, что без них мы не можем воспринимать. Но мы не знаем, есть ли они *сами по себе*, вне восприятия. Это вопрос о ноумене, на который мы не можем ответить.

§5. Категории рассудка

Но одного пространства и времени недостаточно, чтобы получить феномен. Нам нужен второй шаг: **рассудок** должен обработать чувственные данные и подвести их под понятия.

Эти понятия Кант называет категориями. Это априорные формы мышления. Их ровно двенадцать, и они делятся на четыре группы.

Категории количества — единство, множество и всё (це-

лое) — определяют, сколько предметов мы мыслим. Они отвечают за количественную определённость нашего опыта.

Категории качества — реальность, отрицание и ограничение — определяют, каков предмет по содержанию. Они отвечают на вопрос, что именно присутствует или отсутствует в явлении.

Категории отношения — субстанция и акциденция, причина и действие, взаимодействие — определяют, как предметы связаны друг с другом. Это самый важный для Канта раздел, потому что здесь находится причинность, которая делает возможным научное познание.

Категории модальности — возможность и невозможность, существование и несуществование, необходимость и случайность — определяют, как предмет существует, в каком модусе бытия он находится.

Все эти категории работают не в мире-в-себе, а в мире явлений. Они — инструменты, которыми рассудок обрабатывает чувственные данные, превращая их в осмысленный опыт. Без них мы не могли бы мыслить мир как упорядоченный, связный, познаваемый.

Самые важные для нас — категории **отношения**, особенно **причинность**. Кант утверждает: мы не *обнаруживаем* причинность в мире — мы *привносим* её в мир. Мы мыслим события как связанные причинно-следственными отношениями, потому что таково устройство нашего рассудка.

Для ноуменального мира причинность может не существовать; но для феноменального — она обязательна.

§6. Синтез: как рождается феномен

Теперь мы можем собрать всё вместе. Как, по Канту, рождается феномен?

— **Вещь-в-себе** (ноумен) воздействует на наши органы чувств.

— В **чувственности** это воздействие оформляется пространством и временем. Возникает *чувственное созерцание* — сырой материал.

— В **рассудке** этот материал подводится под категории. Возникает *понятие* — осмысленный предмет.

— Результат — **феномен**: вещь, как она *является нам*, данная в пространстве и времени, мыслимая через категории.

Важно: **ноумен** (вещь-в-себе) остаётся за пределами этого процесса. Мы никогда не знаем, какова вещь до того, как она прошла через фильтры чувственности и рассудка. Мы знаем только *феномен*.

§7. Что даёт нам эта теория

Теория Канта даёт философии несколько бесценных даров:

— Она **объясняет, почему знание возможно**. Мы не просто пассивно регистрируем хаос впечатлений — мы

активно его структурируем. Благодаря априорным формам мир для нас упорядочен, предсказуем, познаваем.

— **Она устанавливает границы познания.** Мы знаем, что не можем выйти за пределы феноменального мира. Это защищает нас от беспочвенных спекуляций о сверхъестественном, о душе, о Боге. Мы не можем их *познать* — мы можем только *мыслить* их.

— **Она спасает науку.** Наука имеет дело с феноменами. В рамках феноменального мира действуют строгие законы (причинность, необходимость). Поэтому наука возможна и обоснована.

§8. Где таятся слабости

Но эта теория, при всей её гениальности, содержит проблемы, которые мы будем обсуждать на протяжении всей книги. Вот главные из них.

Проблема разрыва. Как может то, что находится по ту сторону сознания — ноумен, — воздействовать на сознание, если оно по определению непознаваемо? Если ноумен полностью отделён от феноменального мира, то как он вообще может входить с ним в контакт? Это не просто теоретический вопрос — это вопрос о самой возможности познания.

Пассивность ноумена. У Канта ноумен воздействует на нас, но сам остаётся неизменным, неподвижным, статичным. А что, если ноумен — не статичная «вещь», а процесс, который хочет быть явленным? Что, если сущность не просто

терпит явление, а стремится к нему? Кант не задаёт этого вопроса.

Забытая связь. Кант описывает феномен как результат обработки данных чувственностью и рассудком. Но он забывает о самом акте обработки как о событии. А что, если этот акт — тоже часть реальности, причём важнейшая? Что, если само мышление, само восприятие, сам переход — это и есть реальность в её подлинном смысле?

Трагедия познания. Кант оставляет нам только явления. Сущность недоступна. Мы — как узники, которые видят только тени на стене и знают, что за ними — ничего, к чему они могут прикоснуться. Это — философия отчаяния, даже если сам Кант не осознавал этого. Мы не можем принять этот вывод.

§9. Кант и падающее дерево (возвращаясь к пост-скриптому)

Теперь мы можем ответить на вопрос о падающем дереве на языке Канта:

«Падение дерева производит колебания воздуха. Это — событие в мире. Но „звук“ как феномен возникает только тогда, когда эти колебания проходят через априорные формы чувственности (время) и подводятся под категории (причинность, субстанция). Без слушателя есть только номунальное событие, о котором мы ничего не можем сказать. Слушатель превращает это событие в феномен — в

звук, который мы слышим, локализуем во времени, связываем с деревом как причиной».

Это блестящая теория. Но мы, как уже было сказано, не можем остановиться на ней. Потому что она оставляет нас в мире явлений без выхода. А мы ищем не просто *описание* реальности, но и *вход* в неё.

§10. Мост к следующей подглаве

Кант показал нам, что феномен — это не просто «то, что видно». Это **сложно сконструированное образование**, в котором участвуют и мир, и сознание. Он дал нам язык для описания этого процесса.

Но он же создал стену между феноменом и ноуменом. В следующей подглаве (1.3.) мы посмотрим, как феноменологи — Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти — пытались разрушить эту стену, оставаясь при этом в рамках феноменального мира. Они сделали шаг, который Кант не сделал: они попытались увидеть в самом явлении *след* сущности.

А пока — запомним главное:

Кантовский феномен — это явление, сконструированное сознанием из материала вещей-в-себе с помощью априорных форм чувственности (пространство, время) и рассудка (категории). Это единственная реальность, доступная нашему познанию. Или — единственная?..

Резюме подглавы 1.2.

Подведём итог тому, что мы узнали в этой подглаве.

Априорное — это то, что предшествует опыту и делает его возможным. Оно не выводится из опыта, а привносится в него нашей познавательной способностью.

Чувственность — это способность получать впечатления от вещей. Её априорные формы — пространство и время. Именно через них нам даются предметы.

Рассудок — это способность мыслить впечатления, подводить их под понятия. Его априорные формы — категории, с помощью которых мы осмысляем чувственный материал.

Категории — это фундаментальные понятия, через которые мы мыслим мир. Кант делит их на четыре группы: количество, качество, отношение и модальность. Они образуют каркас нашего мышления.

Феномен (в кантовском смысле) — это вещь, как она является нам, пройдя через фильтры чувственности и рассудка. Это мир явлений, единственно доступный нашему познанию.

Ноумен (в кантовском смысле) — это вещь-в-себе, как она существует независимо от нашего восприятия. Она непознаваема. Мы можем только мыслить её, но не можем знать.

Такова архитектоника кантовского феномена. Всё, что мы знаем, — это явления, сконструированные нашим сознани-

ем. Но за ними — всегда остаётся нечто, что не дано нам. И это нечто — ноумен.

Вопросы для размышления (к читателю)

— Согласны ли вы с Кантом, что пространство и время — это «очки», которые мы не можем снять? Или вы верите, что пространство и время существуют в мире независимо от нас?

— Если всё, что мы знаем, — это феномены, то как мы вообще можем знать, что существует *что-то за ними*? Откуда у нас уверенность в существовании ноумена?

— Подумайте: а что, если категории мышления (причинность, субстанция) не просто «наши», а совпадают со структурой самого мира? Что, если мир *на самом деле* устроен причинно? Может ли Кант это отрицать?

Конец подглавы 1.2.

1.3. Феномен в феноменологии: Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти

§1. Почему Канта недостаточно

Кант подарил нам ясность. Он объяснил, как устроен феномен, показал его механизмы, очертил его границы. Но за эту ясность мы заплатили дорогую цену: мир явлений стал для нас *конструкцией*, а мир сущностей — *недостижимым*.

Между ними — пропасть, и Кант даже не пытается построить через неё мост. Он просто ставит знак: *«Дальше — запретная зона»*.

Но философы, пришедшие после Канта, не могли с этим смириться. Особенно те, кто называл себя **феноменологами**. Они сказали: *«Если мы живём в явлениях, если явления — это всё, что нам дано, то давайте исследуем их до самого дна. Может быть, на этом дне мы найдём не стену, а дверь»*.

Феноменология — это не просто метод. Это **жест**. Жест доверия к тому, что дано. Она говорит: не убегай от явлений в поисках скрытой сущности. Остановись. Всмотрись. Явление само, если его не торопить, если не навязывать ему готовых схем, раскроет свою глубину.

Три мыслителя — Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер и Морис Мерло-Понти — совершили этот жест каждый по-своему. Мы пройдем их путь шаг за шагом.

§2. Эдмунд Гуссерль: возвращение к самим вещам

Гуссерль — основатель феноменологии. Он начал с того, что отверг кантовский вопрос: *«Как возможно познание?»* — как слишком теоретический, слишком оторванный от жизни. Вместо этого он задал другой вопрос: *«Что значит „быть данным“?»*

Гуссерль придумал метод, который назвал **феноменологической редукцией** (или *epoché*). Это не сложный техниче-

ский приём, а скорее **духовное упражнение**. Он предлагает нам сделать следующее:

«Поставь в скобки всё, что ты „знаешь“ о мире. Забудь о том, что мир существует независимо от тебя. Забудь о научных теориях, о религиозных догмах, о житейских предрассудках. Оставь только то, что дано тебе непосредственно, в твоём сознании, здесь и сейчас. Смотри на феномен так, будто ты видишь его впервые».

Это похоже на то, как если бы вы вошли в комнату и сказали себе: *«Я не знаю, что это за предметы, как они называются, зачем они здесь. Я просто вижу цвета, формы, тени, их расположение друг относительно друга. Вот это — моя первая встреча с миром».*

Гуссерль называет это **«поворотом к самим вещам»** (*zu den Sachen selbst!*). Он хочет вернуть философии её главную привилегию: видеть мир *незамутнённым* взглядом.

И здесь происходит нечто важное. Когда мы ставим мир «в скобки», мы не теряем его. Напротив, мы впервые обретаем его — как **чистый феномен**. Мы видим не «стул как физический объект», а «стул-как-он-мне-является» — во всей его полноте, во всей его данности. Гуссерль называет это **интенциональностью**: сознание всегда есть сознание *о чём-то*. Оно не замкнуто на себе — оно направлено на предмет. И этот предмет, явленный сознанию, и есть феномен.

Для Гуссерля феномен — это не конструкция, а **открытие**. Он не говорит: *«Мы конструируем явления»*. Он го-

говорит: *«Явления даны нам в их живой непосредственности, и наша задача — описать их так, чтобы не исказить»*. Кант был слишком озабочен механизмом познания; Гуссерль озабочен смыслом явления.

Но у Гуссерля есть одна проблема: он всё ещё остаётся в пределах сознания. Его феномен — это то, что дано *субъекту*. А что, если сам субъект — тоже часть мира? Что, если мы не можем отделить себя от того, что мы познаём?

§3. Мартин Хайдеггер: бытие как явление

Хайдеггер был учеником Гуссерля, но он пошёл дальше и — во многом — против него. Он сказал: *«Гуссерль всё ещё мыслит как картезианец. Он видит мир через призму сознания. Но мы не есть „чистые сознания“. Мы есть „бытие-в-мире“»*.

Для Хайдеггера феномен — это не то, что дано сознанию. Это то, что *является само по себе*, в своём бытии. Он возвращается к греческому корню *phainesthai* — «являться», но придаёт этому слову онтологический (бытийный) смысл.

Хайдеггер говорит: *«Феномен — это не „видимость“. Феномен — это то, что показывает себя само, из себя самого»*. Это радикальный шаг. Если Кант говорил: *«Мы не знаем, что такое вещь-в-себе, мы знаем только её явление»*, то Хайдеггер возражает: *«Явление и есть способ бытия вещи. Вещь не скрывается за явлением — она является в явлении. Бытие не прячется — оно светится»*.

Хайдеггер вводит важное различие между двумя способами явления:

— **Феномен** (*Phänomen*) — то, что показывает себя само, непосредственно.

— **Схематизм** (*Schein*) — то, что *кажется*, что выдаёт себя за нечто иное, обманчивая видимость.

Но даже когда мы имеем дело с подлинным феноменом, он показывает себя не полностью. Бытие по своей сути **сокрыто** в своём явлении. Хайдеггер говорит: «*Сущность бытия — в том, чтобы быть сокрытым в своей явленности*». Это не кантовский разрыв, где ноумен *принципиально* непознаваем. Это скорее тайна, которая *хранит* себя, но при этом *приоткрывается* в каждом явлении.

Для Хайдеггера феномен — это **событие** (*Ereignis*). Это не статичная данность, а процесс, в котором бытие *присваивает* себя и *являет* себя одновременно. Мы не просто *смотрим* на феномен — мы *участвуем* в нём. Мы — часть того бытия, которое является.

Хайдеггер разрушает кантовскую стену между явлением и сущностью. Он говорит: сущность не *за* явлением. Сущность *в* явлении. Но чтобы это увидеть, нужно перестать быть «чистым наблюдателем» и стать «участником бытия».

§4. Морис Мерло-Понти: тело как точка сборки

Мерло-Понти — французский феноменолог, который пошёл ещё дальше. Он задал вопрос, который до него почти

никто не задавал: «А где, собственно, происходит явление? Где оно имеет место?»

Ответ Мерло-Понти был дерзким и простым: **в теле**. Не в сознании, не в мозгу как органе, а в живом, чувствующем, движущемся теле, которое является одновременно и субъектом, и объектом восприятия.

Мерло-Понти говорит: мы не можем отделить себя от мира, потому что мы *погружены* в него. Наше тело — это не просто инструмент восприятия. Это точка, где мир *встречает* нас, а мы *встречаем* мир. Эта встреча и есть феномен.

Представьте, что вы проводите рукой по шершавой коре дерева. Где происходит ощущение? В коре? В вашей руке? В вашем мозгу? Мерло-Понти говорит: «*Оно происходит между ними, в пространстве встречи*». Феномен — это не субъективное переживание, но и не объективное свойство. Это **плоть** мира — общая ткань, в которой тело и мир переплетены.

Для Мерло-Понти феномен — это **диалог**. Мир говорит с нами через наши чувства, а мы отвечаем ему своими движениями, своим вниманием. Мы не конструируем мир (как у Канта) и не просто «находимся» в нём (как у Хайдеггера). Мы **сплетены** с ним в единую ткань.

Это означает, что граница между феноменом и ноуменом становится ещё более размытой. Если тело — это часть мира, а сознание — это часть тела, то где заканчивается «явление» и начинается «сущность»? Мерло-Понти отвечает:

«Они неразделимы. Каждое явление — это уже проникновение в сущность, потому что явление есть событие самой плоти мира».

§5. Что феноменологи дали нашей теории

Три феноменолога — Гуссерль, Хайдеггер, Мерло-Понти — совершили три важных шага к нашей феноменологической теории:

Гуссерль показал, что феномен не является конструкцией, которую мы произвольно создаём. Феномен — это *данность*, и к ней нужно относиться с доверием. Он научил нас *всматриваться* в явление, а не убежать от него.

Хайдеггер показал, что феномен — это не просто явление для сознания, но явление *бытия* самого по себе. Он разрушил кантовскую стену и дал нам право говорить о том, что сущность является в явлении, а не прячется за ним.

Мерло-Понти показал, что феномен происходит *в теле*, в точке встречи, где мир и сознание сплетены воедино. Он дал нам язык для описания явления как события, а не как вещи.

Все трое согласны в одном: **феномен — это не тюрьма, из которой мы не можем выйти**. Феномен — это сама реальность, но реальность, которая не исчерпывается тем, что дано. Она *приоткрывает* себя через явление.

§6. И всё же — где здесь ноумен?

Вы спросите: «Хорошо, они показывают глубину феномена. Но где же ноумен? Где вещь-в-себе? Они вообще о ней говорят?»

Гуссерль почти не говорит. Для него ноумен — это горизонт, который всегда есть, но всегда остаётся за пределами. Хайдеггер заменяет ноумен на «бытие» (*Sein*), которое не есть вещь, а есть само событие явления. Мерло-Понти растворяет ноумен в «плоти» мира.

Они не отрицают сущность. Они переопределяют её. Для них сущность — не то, что *скрыто*, а то, что *является* особым образом. Явление — это не маска сущности. Это её *лицо*. А лицо — это не маска. Это сама сущность, но явленная.

Это радикально отличается от Канта. И это приближает нас к нашей собственной теории. Потому что мы тоже говорим: ноумен и феномен не разделены. Они — два полюса. Два режима одной реальности. И явление — это не преграда, а **проявление**.

Но феноменология, при всей её глубине, не даёт нам окончательного синтеза. Она описывает явление, показывает его сложность, его связь с бытием и телом. Но она не говорит нам, как именно *переход* от ноумена к феномену происходит на самом деле. Она не даёт нам *теорию перехода*.

Этот переход — **номенотеноменальный переход** — мы будем строить в Третьей части. А пока, завершая первую главу, мы должны сделать последний шаг: показать, что феномен — это не кажимость, не иллюзия, а **подлинная ре-**

альность, хотя и не последняя.

§7. Мост к подглаве 1.4

Мы увидели, как много смыслов может нести в себе слово «феномен». От древнегреческого света, через кантовскую конструкцию, через гуссерлевскую данность, хайдеггеровское событие бытия и мерло-понтиевскую телесную встречу.

Но есть один предрассудок, который нужно развеять окончательно. Многие до сих пор думают, что феномен — это *«всего лишь явление»*, что-то вторичное, неполноценное, *«не совсем реальное»*. Мол, есть подлинная реальность — сущность, а явление — это её тень, её копия, её искажение.

Этот предрассудок идёт от Платона. Платон сказал: явления — это тени в пещере. Истина — за пределами пещеры. С тех пор мы носим в себе это презрение к явлению.

Феноменологи говорят нам: *«Остановитесь. Явление — это не тень. Это — свет. Истина не за явлением. Истина — в явлении. Научитесь видеть»*.

Но нам, для нашей теории, нужно пойти ещё дальше. Мы должны показать, что явление — это не просто *истина*. Это — **встреча**. Это — событие, в котором сущность перестаёт быть «вещью-в-себе» и становится «вещью-для-нас». И эта встреча — не потеря, а обретение.

Подглава 1.4. будет посвящена этому: **защите феномена**. Мы скажем: да, явление — это не всё. Но и не «ничего». Это — почти всё. И через это «почти» мы можем прикос-

нуться к тому, что за ним.

Конец подглавы 1.3.

ПОСТСКРИПТУМ К ПОДГЛАВЕ 1.3

О том, как разошлись пути Гуссерля и Хайдеггера, и почему это важно для нашей теории

§1. Учитель и ученик

В начале XX века в немецком городе Фрайбурге встретились два человека. Один — Эдмунд Гуссерль — был уже знаменитым профессором, основателем феноменологии, человеком, который провозгласил: *«Назад, к самим вещам!»*. Другой — Мартин Хайдеггер — был его молодым ассистентом, гениальным, неутомимым, с горящими глазами. Гуссерль увидел в нём наследника. Хайдеггер видел в Гуссерле учителя. Они работали вместе, они спорили, они восхищались друг другом.

Гуссерль был евреем, обратившимся в протестантизм; Хайдеггер был католиком, который потом отошёл от церкви. Но их объединяло нечто большее, чем религия: страсть к философии, которая говорит о самом главном — о том, как нам дано бытие.

Их пути разошлись. И это расхождение — не просто биографический факт. Это **событие в истории мысли**. Оно

разделило феноменологию на два лагеря, которые до сих пор не могут примириться. А для нашей теории это расхождение — ключ к пониманию того, как мы должны строить отношения между феноменом и ноуменом.

§2. Гуссерль: феноменология как строгая наука

Гуссерль был убеждён: философия должна стать **строгой наукой**. Не в смысле физики или математики, а в смысле абсолютной достоверности. Он искал фундамент, на котором можно построить всё здание знания, и нашёл его в сознании.

Для Гуссерля феноменология — это **метод**. Это техника, которая позволяет нам очистить сознание от предрассудков и увидеть вещи такими, какими они даны. Он верил, что если мы правильно проведём феноменологическую редукцию (эпохэ), если мы «вынесем за скобки» весь мир как данность, мы останемся с **чистым сознанием**, которое есть абсолютная очевидность.

Гуссерль был идеалистом в глубоком смысле. Он говорил: *«Сознание не может быть обмануто. Сознание всегда даёт себя само, непосредственно, прозрачно. Даже если я ошибаюсь в том, что вижу, сам акт видения — бесспорен»*. Для него феномен — это **интенциональный акт**, направленный на предмет. Сознание всегда есть сознание *о чём-то*, и это «о чём-то» — есть феномен, данный в очевидности.

Но у Гуссерля была одна черта, которая в итоге оттолкнула Хайдеггера: он мыслил сознание как **абсолютное**. Он го-

ворил: *«Трансцендентальное сознание — это то, что конституирует мир. Без сознания нет мира. Мир есть коррелят сознания»*.

Хайдеггер прочитал это и почувствовал: *«Здесь что-то не так»*.

§3. Хайдеггер: бытие есть больше, чем сознание

Хайдеггер не был идеалистом в гуссерлевском смысле. Он сказал: *«Сознание — это не фундамент. Фундамент — это само бытие. И мы — не „чистые сознания“. Мы — „бытие-в-мире“ (Dasein)»*.

Для Хайдеггера феноменология — это не метод, чтобы достичь чистого сознания. Это **описание** того, как мы существуем. Мы не наблюдатели мира; мы — участники. Мы брошены в мир (*Geworfenheit*), мы всегда уже находимся в нём, мы заботимся о нём (*Sorge*). Наше бытие не сводится к актам сознания.

Хайдеггер отверг гуссерлевскую редукцию. Он сказал: *«Ты не можешь „вынести за скобки“ мир, потому что мы уже есть мир. Мы не отделены от него. Мы внутри него»*.

Но самое радикальное разногласие касалось статуса **бытия**.

— Гуссерль говорил: *«Бытие — это коррелят сознания. Бытие есть то, что является сознанию»*.

— Хайдеггер говорил: *«Сознание есть только один из способов бытия. Бытие — больше, чем сознание. Бытие са-*

мо себя является, но оно не сводится к тому, что оно является. Бытие — это тайна, которая всегда ускользает, но которая всегда присутствует».

Этот спор — о том, что первичнее: сознание или бытие. Для Гуссерля первично сознание. Для Хайдеггера — бытие. И это не просто теоретическое разногласие. Это — **экзистенциальная позиция**.

§4. Трещина становится пропастью

К концу 1920-х годов отношения между учителем и учеником испортились. Гуссерль чувствовал, что Хайдеггер его предаёт. Хайдеггер чувствовал, что Гуссерль его не понимает.

В 1927 году Хайдеггер опубликовал свою главную книгу *«Бытие и время»*. Он посвятил её Гуссерлю — но это было посвящение, которое звучало как прощание. Гуссерль прочитал книгу и сказал: *«Это не феноменология. Это антропология. Это поэзия, а не наука»*. Хайдеггер ответил: *«А что, если наука — не единственный путь к истине? Что, если мы должны слушать бытие, а не анализировать сознание?»*

Позже произошло нечто, что сделало разрыв окончательным. В 1933 году Хайдеггер вступил в нацистскую партию и стал ректором Фрайбургского университета. Гуссерль, еврей по происхождению, был отстранён от преподавания. Хайдеггер не защитил своего учителя. Он не сделал ничего, чтобы помочь. Более того, он избегал встреч с Гуссерлем, не отве-

чал на его письма.

Историки до сих пор спорят: был ли Хайдеггер убеждённым нацистом или просто политическим оппортунистом? Но факт остаётся фактом: он предал своего учителя. Не только в философии, но и в жизни.

Гуссерль умер в 1938 году, покинутый и оставленный. Хайдеггер стал самым влиятельным философом XX века. Но их пути больше никогда не пересеклись.

§5. Почему это важно для нашей теории

Вы спросите: *«А какое отношение эта печальная история имеет к номенологической реальности?»*

Прямое. Потому что спор Гуссерля и Хайдеггера — это спор о том, **где находится ноумен**.

Для Гуссерля ноумен (или вещь-в-себе) остаётся за пределами феноменологической редукции. Мы не можем сказать о нём ничего. Мы можем только описать феномены, и это — наша единственная задача. Гуссерль **де-факто соглашается с Кантом** в том, что ноумен непознаваем. Но он добавляет: *«Нам это и не нужно. У нас есть феномены, и они — абсолютны»*.

Для Хайдеггера ноумена в кантовском смысле вообще нет. Есть бытие, которое является, но не полностью. Бытие всегда частично скрыто, частично явлено. Но это не разрыв — это **динамика**. Хайдеггер отвергает кантовскую пропасть и говорит: *«Мы не знаем бытие до конца, но мы знаем его в*

его явлении. Мы не отделены от него».

Наша теория — номенофеноменальная — **встаёт на сторону Хайдеггера**, но не до конца. Мы согласны с ним, что пропасти нет. Но мы не согласны с тем, что бытие — это тайна, которую нельзя выразить. Мы хотим **описать переход**. Мы хотим сказать: ноумен не просто «является» в феномене, он *переходит* в него. И этот переход имеет свои законы, свои ритмы, свои уровни.

Гуссерль сдался перед ноуменом. Хайдеггер растворил ноумен в бытии. Мы же говорим: *«Ноумен есть. Он не тождествен феномену. Но он и не отделён от него. Он — его глубина. И мы можем исследовать эту глубину через феномен, а не за его спиной»*.

§6. Прощальное слово об учителе и ученике

История Гуссерля и Хайдеггера — это трагедия. Она напоминает нам, что философия — это не игра ума. Это судьба. Выбор того, как ты мыслишь, — это выбор того, как ты живёшь.

Гуссерль выбрал ясность. Он заплатил за неё отказом от глубины. Хайдеггер выбрал глубину. Он заплатил за неё двусмысленностью и, возможно, моральным падением.

Наша теория пытается найти третий путь. Не просто «ясность» или «глубина», а **прозрачность глубины**. Мы хотим видеть сквозь феномен ноумен, не разрушая феномена. Мы хотим быть верными и Гуссерлю (в его любви к явлению), и

Хайдеггеру (в его чувстве бытия).

Но мы не хотим повторять их ошибок. Мы не хотим ни замыкаться в сознании, ни тонуть в бытии. Мы хотим **мост**. И мост этот — номенотеноменальный переход.

§7. Последний вопрос читателю

Когда вы читали эту историю, на чьей вы стороне? Гуссерля, который остался верен методу и ясности? Или Хайдеггера, который рискнул всем ради глубины?

А может быть, вы чувствуете, что они оба правы — и оба не правы? Что ответ лежит не в выборе между ними, а в их **синтезе**?

Если вы чувствуете последнее — вы уже готовы к Части III нашей книги.

Неминуемый конец постскриптума

1.4. Феномен не есть «кажимость»: защита чувственного опыта

§1. Древнее презрение

Существует предрассудок, который старше философии. Он прячется в глубине нашей культуры, в нашей речи, в наших инстинктах. Этот предрассудок гласит: *«То, что мы видим, — это не совсем реально. Настоящая реальность — где-то ещё, за видимостью»*.

Мы говорим: «это *всего лишь* явление». Мы противопоставляем явление сущности, как противопоставляют тень — телу, сон — яви, ложь — истине. Явление всегда на вторых ролях. Оно — бедный родственник бытия.

Откуда взялось это презрение?

Его первый великий архитектор — **Платон**. Он рассказал нам миф о пещере. Люди сидят спиной к выходу, прикованные к стенам, и видят только тени, отбрасываемые проходящими мимо предметами. Они принимают тени за реальность. Но истина — вне пещеры, там, где свет солнца освещает подлинные вещи.

Платон сказал: явления — это тени. Сущности (идеи) — это подлинная реальность. Философ должен освободиться от оков пещеры и выйти к свету.

Прошли тысячелетия. Христианство сказало: земная жизнь — только тень вечной жизни. Наука сказала: чувственные качества (цвет, вкус, запах) — это вторичные свойства, субъективные; первичные свойства (масса, форма, движение) — объективны. Кант сказал: мы знаем только явления, но не вещи-в-себе.

Везде — одно и то же: явление обесценено. Оно — ступенька к чему-то высшему, или помеха, или тюрьма. Но никогда — не самоценность.

Мы хотим сказать: **это ошибка**. Великая, древняя, роковая ошибка. И пришло время её исправить.

§2. Два смысла слова «кажимость»

Чтобы защитить феномен, мы должны сначала разобраться, что именно мы защищаем. Слово «кажимость» (или «видимость») имеет два совершенно разных смысла, и их путают с катастрофическими последствиями.

Первый смысл: кажимость как обман.

Это когда мы принимаем одно за другое. Например, палка, наполовину погружённая в воду, кажется сломанной. Мы знаем, что она прямая. Её «сломанность» — это кажимость в плохом смысле: ошибка восприятия. Или миражи в пустыне: мы видим воду, но её нет. Это обман. Это кажимость, которую мы должны разоблачить.

Этот смысл не вызывает споров. Никто не говорит, что палка *на самом деле* сломана. Мы все согласны: это иллюзия, вызванная преломлением света.

Второй смысл: кажимость как явление вообще.

Это когда мы противопоставляем *любое* явление сущности. Мы говорим: «*Это — только явление, а не сущность*». Но здесь мы делаем нечто другое. Мы не говорим, что явление ложно. Мы говорим, что оно *неполно*, что за ним есть что-то ещё. Это не обман — это **глубина**.

Проблема в том, что эти два смысла постоянно смешивают. Платон смешал их, когда превратил тени в пещере в метафору всех явлений. Тени в пещере — это *обман* (первый смысл). Но когда Платон говорит, что все чувственные вещи — тени идей, он применяет логику обмана ко всему фено-

менальному миру. Он говорит: «*Весь этот мир — обман*». Но это не так. Это не обман. Это — **неполнота**. А неполнота — это не ложь.

Мы должны различать:

Кажимость как...	Характеристика	Пример
Обман (иллюзия)	Восприятие не соответствует реальности. Есть факт, который опровергает восприятие.	Палка в воде кажется сломанной. Мираж. Галлюцинация.
Явление (феномен)	Восприятие соответствует <i>чему-то</i> , но не исчерпывает его. За явлением есть глубина.	Я вижу красное яблоко. Яблоко существует, но его «красность» не исчерпывает его бытие.

Во втором случае мы не говорим, что восприятие ложно. Мы говорим, что оно — **начало**, а не конец.

§3. Защита чувственного опыта: пять аргументов

Теперь мы готовы защитить феномен. Мы предлагаем пять аргументов против презрения к явлению. Каждый из них — это шаг к пониманию того, почему феномен достоин нашего доверия.

Аргумент первый: феномен есть единственная данность.

Мы никогда не имели дела с сущностью напрямую. Никто из нас не видел «идею стула» или «вещь-в-себе стула». Мы видели только этот стул — коричневый, деревянный, с

царапиной на ножке. Если мы обесцениваем феномен, мы обесцениваем *всё*, что у нас есть. Мы становимся нищими, которые презируют свою единственную монету. Феномен — это не «всего лишь». Это **всё**, что нам дано. И с этим нужно обращаться как с сокровищем.

Аргумент второй: феномен не есть искажение.

Кантовская модель предполагает, что сознание *искажает* реальность, накладывая на неё априорные формы. Но это неверная метафора. Когда мы надеваем розовые очки, мир *становится* розовым. Но пространство и время — это не очки, которые мы можем снять. Это **сама ткань** нашего восприятия. Они не искажают реальность — они *организуют* её. Феномен — не карикатура на ноумен. Феномен — это ноумен, **ставший доступным**. И доступность — это не потеря, а обретение.

Аргумент третий: феномен обладает собственной реальностью.

Цвет существует не «в голове» и не «в мире». Цвет — это событие встречи света, поверхности и глаза. Но эта встреча — реальна. Она происходит. Она имеет свою онтологию. То же самое — со звуком, с запахом, с текстурой. Феномен не сводится к физическим процессам и не сводится к субъективным переживаниям. Он есть **третье**, которое не менее реально, чем первое и второе. У него своя плотность, своя структура, свои законы. И мы можем их изучать — в науке, в искусстве, в повседневной жизни.

Аргумент четвёртый: феномен есть язык сущности.

Хайдеггер был прав: сущность не прячется за явлением. Она говорит *через* явление. Явление — это язык, на котором сущность обращается к нам. Цвет яблока — не обман. Это послание. Оно говорит нам о спелости, о химическом составе, об отношении яблока к свету. Но оно говорит и о чём-то большем: о временах года, о красоте, о жизни и смерти. Явление — это не завеса, а **откровение**. Нам нужно только научиться его читать.

Аргумент пятый: презрение к феномену ведёт к отчаянию.

Если мы говорим, что мир явлений — это тюрьма, мы отрезаем себя от реальности. Мы становимся призраками, которые бродят по пещере и тоскуют по солнцу, которого никогда не увидят. Но это — не философия. Это — **депрессия**. Наша теория исходит из другого: мир явлений — это не тюрьма. Это — **дом**. И в этом доме мы можем жить полноценно, глубоко, радостно. Не потому, что мы забыли о сущности, а потому что мы видим её *в каждом явлении*.

§4. Феномен и ноумен: не разрыв, а градиент

Теперь мы можем сделать важный шаг. Если феномен — не кажимость, а подлинная реальность, то как мы должны мыслить его отношение к ноумену?

Кант сказал: это две разные реальности. Мы говорим: это **один и тот же континуум**.

Представьте себе градиент цвета от белого к чёрному. Белое — это ноумен (сущность, неявленная). Чёрное — это чистый феномен (явление без глубины). Но между ними — бесконечное множество оттенков серого. Каждое явление находится на этом градиенте. Оно всегда *немного* ближе к сущности, чем кажется. И всегда *немного* дальше от неё, чем нам хотелось бы.

Феномен не есть нечто *отдельное* от ноумена. Он есть **степень** его проявленности. Чем глубже мы всматриваемся в явление, тем больше мы видим в нём ноуменального. Чем поверхностнее наш взгляд, тем больше явление кажется нам «просто явлением».

Это значит, что **граница между феноменом и ноуменом подвижна**. Она зависит от нашего внимания, от нашей способности видеть, от нашей готовности к встрече. И в этом — надежда.

§5. Как защита феномена готовит нас ко Второй части

Завершая первую главу, мы хотим сказать главное.

Мы не отрицаем, что есть реальность, которая не дана нам. Мы не отрицаем ноумен. Мы говорим другое: **ноумен не является врагом феномена**. Он — его источник, его глубина, его тайна. Без ноумена феномен был бы пуст. Без феномена ноумен был бы нем.

Мы не должны выбирать между явлением и сущностью.

Мы должны научиться жить в их **встрече**.

Феномен — это не стена. Это дверь. Мы не проходим сквозь неё, оставляя её позади. Мы проходим *вместе*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.